

ИСТОРИЯ

УДК 94(37)

А. А. Бутин

Прошлое, настоящее и будущее в сознании Корнелия Тацита

Исследование восприятия времени – одного из важнейших концептов современной исторической науки – позволяет пролить свет на фундаментальные характеристики сознания людей далекого прошлого. В предлагаемой статье рассматривается осмысление прошлого, настоящего и будущего времени римским историком I–II вв. Корнелием Тацитом, склонным приписывать свое мировидение обитателям Римской империи.

Ключевые слова: Римская империя, Корнелий Тацит, время, образ времени, конструирование образа времени, обретение прошлого, настоящего и будущего.

A. A. Butin

Past, Present and Future in Cornelius Tatsit's Consciousness

The research of time perception – one of the most important concepts of the modern historical science – allows to throw daylight upon fundamental characteristics of people's consciousness of the remote past. In the given article is regarded understanding of the past, present and future time by the Roman historian I–II centuries Cornelius Tatsit, inclined to attach his own world vision to the inhabitants of the Roman empire.

Keywords: the Roman empire, Cornelius Tatsit, time, a time image, designing of a time image, aquisition of the past, the present and the future.

При исследовании представлений человека прошлого о картине мира и, в частности, о времени, нельзя упускать из внимания проблему соотношения коллективного и индивидуального сознания при конструировании данных образов. По верному замечанию И. П. Вейнберга, «историк, как любой человек, принадлежит своему времени и своему обществу, от воздействия которых он не может, да и не должен быть свободен» [1]. Человеком своего времени был и Корнелий Тацит (приблизительно 58 – после 117 г. [2]). В своих произведениях он сочетал повествование о различных событиях истории ранней Римской империи и творивших ее людях с собственными рефлексиями об особенностях исторического пути «народа римского», чему способствовал переходный характер его эпохи, основной характеристикой которой являлась трансформация Рима-полиса в Римскую империю.

Произведения Корнелия Тацита делятся на две группы: «малые» и «большие» (исторические) сочинения. Ученые, так или иначе изучавшие его творчество, сходятся во мнении о том,

что Тациту удалось четко передать колорит своей эпохи. Из-под его пера вышел, по выражению Г. С. Кнабе, «идейно-художественный цикл» [3], изображающий эволюцию древнеримского общества и государства. Трансформация Рима-полиса в мировую империю увязывается в его повествовании с изменением этических норм и типичных для римлян моделей поведения. Акцент автора источников на синкретизме республиканского и имперского менталитета римского общества изучаемого периода дополняет картину эпохи, в которой «проживаемое» Тацитом настоящее нередко контрастирует с ностальгией по республиканскому прошлому и проецирует образы будущего. Личное восприятие историком настоящего-прошлого-будущего (которое он нередко приписывает своим героям и даже отдельным слоям римского общества), выявляемое через его характеристики и оценки древнеримской истории, дает возможность современному исследователю сконструировать образы времени, имплицитно присутствующие в произведениях Тацита.

Среди исследователей, уже затрагивавших проблематику трех измерений времени в древнеримском сознании, следует отметить работы Г. С. Кнабе и Ю. Г. Чернышёва. Первый в статье «Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима» [4] указал на две важные (в контексте поставленной проблемы) черты: идеализацию римлянами далекого прошлого и наличие элемента динамичности в восприятии времени. Ю. Г. Чернышёв, изучая древнеримские утопические концепции, отметил характерную черту римского сознания, заключающуюся в том, что «идеальное состояние общества переносится, как правило, не в абстрактное, а именно в римское прошлое» [5]. Таким образом, основное внимание исследователей данной проблемы было сосредоточено на отношении большинства римлян к своему прошлому. В задачу же настоящей статьи входит исследование образов (и их вариантов) как прошлого, так и настоящего и будущего в контексте восприятия времени обитателями ранней Римской империи, которые, как и Корнелий Тацит, обладали еще не до конца редуцированным мифологическим типом мышления.

Республиканская история Древнего Рима, уже канувшая в прошлое, в первые века Империи считалась образцом справедливого государственно-правового регулирования. По мнению Тацита, обычай считался очень действенной силой в решении государственных дел [6]; предложения, обсуждаемые в сенате, обладали большим весом, чем волюнтаризм императоров, поэтому он не считал возможным игнорировать традиции республиканского управления. В патриотическом запале Тацит, даже пренебрегая реалиями укрепления принципата, заявлял, что «не произошло ничего такого, чтобы считать древние установления устаревшими» [7].

В прошлом находились гражданские добродетели, особо ценимые Тацитом: патриотизм, твердость духа, верность и др. Прошлое также являлось для него образцом порядочности, моральной чистоты нравов, которые после «эпохи гражданских войн» подверглись забвению. Стремлением реставрировать представления о римской "virtus" (нравственной системе ценностей) можно объяснить тот факт, что Тацит восхваляет Секстилию – мать императора Вителлия [8], которая блюла «древнюю чистоту нравов». Ему импонирует и образ императора Тита Флавия Веспасиана [9], воплощавшего, по убеждению Тацита, идеалы прошлого. Веспасиан сравнивается исто-

риком с «римскими полководцами древних времен» [10], так как он «днем и ночью помышлял о победе над врагом, а когда приходилось, сам разил его могучею рукою; ел, что придется, одеждой и привычками почти не отличался от рядового солдата» [11].

Тацит симпатизирует также жертвам политического террора эпохи Юлиев-Клавдиев и отзывается о них как о «благородных мужах, достойно сносивших несчастья, стойко встречавших смерть», тем самым уподобляя их «прославленным героям древности» [12].

Таким образом, в сознании Тацита республиканское прошлое насыщалось идеалистическим содержанием: в те времена царили твердые нравы, сохранялись полисные идеалы, а люди отличались поистине стоическим характером.

Иллюзорность прошлого и непостижимость будущего человеком отдаленных эпох ставят на повестку дня вопрос о способах обретения римлянами представлений о времени. Не вдаваясь в детали, отметим значение ныне актуального концепта «коллективной памяти» в древнеримском сознании. Коллективная память есть инвариант образа прошлого. В Древнем Риме он являлся неким слепком мифов и истории, но воспринимался как действительно имевшая место история. Именно с помощью коллективной памяти поддерживался пиетет к прошлому. Сознание Тацита в этом отношении оказалось как нельзя более близким к коллективному римскому сознанию. Например, важной частью коллективной памяти римлян являлась идея о «золотом веке». Этот временной отрезок крайне идеализировался, наделялся утопическими чертами (и Тацитом в том числе). Люди «золотого века» [13], например, в его изложении имели «еще целомудренные и не тронутые пороками человеческие сердца», а мастера красноречия могли тогда свободно общаться с богами, как с людьми [14]. Бережно сохраняя информацию о времени всеобщего равенства, римляне ежегодно справляли сатурналии [15], то есть празднества в честь царства Сатурна, увековечивающие «золотой век». Путем праздников прошлое символически и трансцендентно продолжало жить в настоящем, и через сохранение его в коллективной памяти каждое новое поколение обретало образы прошлого. По той же причине написание древними авторами исторических сочинений также можно трактовать одним из каналов обретения прошлого.

Тациту принадлежала весомая заслуга в трансляции представлений об идеализованном

республиканском прошлом Рима. Однако как бы ни были важны историзованные рассказы о славной эпохе Республики, современников Тацита больше волновали проблемы настоящего. Г. С. Кнабе в своей монографии о жизни и творчестве Тацита [16] посвятил немало страниц описанию его эпохи – сложного, во многом переломного времени в истории Древнего Рима. Имея в виду контекст эпохи Тацита, на наш взгляд, необходимо констатировать отсутствие в его сознании единства восприятия настоящего, конфликт двух различных его образов:

– Настоящее есть продолжение прошлого, а основное содержание настоящего – соблюдение обычаев и традиций, укоренных в прошлом, и только такое настоящее может оцениваться положительно (в том числе – и самим Тацитом).

– Настоящее есть динамический центр времени. Это время действий для достижения узкокорыстных целей без оглядки на прошлое и прогнозирования будущего.

Проиллюстрируем отмеченные варианты восприятия настоящего фрагментами из сочинений Тацита. «Отон [17] был уже совсем готов к походу, но ему советовали почтить древние обряды и повременить... он же и слышать не хотел об отсрочке и говорил, что подобное промедление сгубило Нерона [18]» [19]. Эта фраза свидетельствует, с одной стороны, о немалом влиянии представления о настоящем как вместилища прошлого, что характерно для окружения Отона, но, с другой – о пренебрежении к прошлому ради создаваемого императором настоящего и связанного с ним будущего, так как именно ради достижения своих политических целей Отон не считал нужным предаваться упоению древностью и заботиться о ее сохранении. В приведенной цитате виден конфликт двух вариантов восприятия современниками Тацита образа настоящего.

Однако не приходится сомневаться в доминировании первого варианта образа настоящего. Доказательство тому – пиетет большинства римского общества перед прошлым, о чем говорилось выше. Но представление о динамическом настоящем нельзя считать исключительным явлением – оно являлось достаточно распространенной в политических кругах Рима тенденцией. Марцелл [20], например, говорит о настоящем (для него) времени следующее: «Я хорошо знаю, в какое время родился и какое государство создали наши отцы и деды. Древностью должно восхищаться, но сообразовываться приходится с нынешними условиями» [21]. У него, следователь-

но, нет раболепства перед утопией о «золотом веке», Марцелл вполне трезво оценивал реалии римского настоящего. О предпочтении настоящего прошлому говорит и сам Тацит применительно к части знати, «осыпанной [Юлием Цезарем. – А. Б.] в меру их готовности к раболепию богатством и почестями» [22].

Еще один пример примата настоящего – сенатор Силий [23]. Его ориентация на данное измерение времени основана на особенностях его личности: он, привлекаемый тайной связью с Мессалиной [24], «не думал о будущем, а черпал наслаждение в настоящем» [25]. Только о настоящем думал и император Вителлий [26], который, по мнению Тацита, «нимало не заботясь о будущих поколениях», раздаривал государственное имущество [27].

Противостояние двух противоположных образов настоящего является еще одним показателем сложности и переломности изображаемой Тацитом эпохи. Чем болезненнее были для его современников (и его самого) реалии настоящего, тем с большей опаской они пытались всмотреться в будущее. Изучение восприятия будущего – это исследование восприятия той или иной перспективы, так как человек, каким бы типом мышления он ни обладал, может лишь предполагать, каким будет его будущее. Следовательно, в восприятии будущего наличествуют элементы как субъективно-идеализированного (то есть того, чего человеку хотелось бы), так и нежелательного. Но, чтобы желаемое стало реальным, человеку необходимо предпринять некие действия в настоящем. Исходя из этого предположения, в произведениях Тацита мы обнаружили упоминания о нескольких вариантах образа будущего: «управляемое» будущее (то есть такое будущее, которое человек в силах рационально спрогнозировать и осуществить) и «неизвестное» будущее.

Содержание «управляемого» будущего было детерминировано желаниями и мотивировано ценностями римлянина. Так, сам Тацит, рассуждая в «Диалоге об ораторах» об историческом пути римского государства, пишет, что оно еще «не свободно от недостатков и что еще многое нужно в нем упорядочить» [28]. Следовательно, помышляя о будущем, он хотел бы увидеть в нем нечто желаемое, для чего необходимо было предпринять некие систематические действия в настоящем: «Сделай все, чтобы тебя не разбили, а победа придет в свое время», – говорит Паулин [29], наместник Британии [30]. Если перефразировать его слова, то желаемое, «управляемое»

будущее обязательно станет реальностью, если создать для этого условия в настоящем.

«Управляемое» будущее – это набор перспектив, наделенных качественными оценками, из которых может реализоваться та или иная. «Простой гражданин... может взять от судьбы больше или меньше – как захочет. Но у того, кто вышел бороться за императорскую власть, выбор один – либо подняться на вершину, либо сорваться в бездну» [31]. У второй группы людей, следовательно, восприятие собственного будущего носит фаталистический характер: это люди, которые играют по-крупному. Но перспективы их жизни ясны заранее. Первая же группа относится к своей судьбе более спокойно и рационально, будущее для них – богатый выбор возможностей, из которых может реализоваться та или другая. Но чего бы не добивались те или другие, ими движет стремление управлять своим будущим.

Данная интенция сознания являлась типичной для римлян изучаемой эпохи, о чем свидетельствует факт возобновления так называемых «ежегодных гаданий о благе государства» [32]. Для нас важно уже само наименование этих гаданий: римляне хотели узнать не столько о будущем государства, сколько о его благом, «управляемом» ими будущем. Следовательно, для их коллективного сознания при оценке данного периода (и для сознания Тацита) характерно стремление утешить себя надеждой предопределенного «управляемого» и «благом» будущего.

Но желание обрести «управляемое» будущее – это лишь желание, ведь грядущее неизменно таит в себе множество неизведанного. В этом случае будущее казалось римлянам пугающим своей неизвестностью и воспринималось с опасением, как, впрочем, и другими древними народами. Тацит, например, упоминает о наводнении в начале 69 г., которое «вселило еще больший страх перед будущим» [33]. В другом месте он пишет о суевном ужасе воинов, которые наблюдали в небе лунное затмение: «Этим им возвещаются страдания на вечные времена» [34]. Все это было для римлян проявлениями воли могущественных природных и космических сил, управлять которыми они были не в силах, что уничтожало возможность обретения «управляемого» будущего и актуализировало «неизвестную» перспективу жизни.

Итак, мы вынуждены констатировать, как и в случае с восприятием настоящего, что для древнеримского общества изучаемой эпохи характерно отсутствие единого образа будущего. Но к

сказанному необходимо добавить еще один штрих. У некоторой части римлян, по-видимому, вообще отсутствовало какое-либо осмысление будущего. Тацит указывает на это в своей «Истории», по крайней мере, в двух местах. В первый раз, когда он, описывая осаду Кремоны [35], рассуждает о судьбе солдат. Историк отмечает, что «рядовой о будущем не заботится и как человек подневольный мало чем рискует – оттого рядовые и стояли твердо» [36]. Здесь обращает на себя внимание увязывание отсутствия мыслей о будущем с социальным статусом человека: чем ниже статус, чем больше субъект подневольен, тем меньше он помышляет о том, что ждет его, ведь за него думают вышестоящие. Далее, перечисляя мероприятия императора Вителлия по укреплению власти, Тацит отмечает его бесконечную и бессмысленную щедрость. В конечном итоге принцепс дошел до того, что «нимало не заботясь о будущих поколениях, принялся раздавать государственное имущество» [37]. В данном случае недальновидность принцепса объясняется сиюминутной политической конъюнктурой: узкокорыстная потребность упрочить нестабильную власть вынудила Вителлия забыть о последствиях его действий. Итак, в обоих случаях общие тенденции развития древнеримского общества изучаемой эпохи (фиктивность народоправия и укрепление волюнтаристского начала) предопределили отсутствие попыток осмысления будущего у названных персонажей «Истории».

Так или иначе, но будущее необходимо еще было обрести. Чтобы человек психологически почувствовал наличие хоть сколько-нибудь управляемого будущего, оно, как и в случае с прошлым, должно было субъективно, и/или символически, и/или трансцендентно получить воплощение в настоящем. Персонажи Тацита используют следующие способы обретения будущего:

– **«Общение» с богами.** Один из основных атрибутов божества – вечность, бог, следовательно, присутствует и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, и к кому, как не к божеству, рациональный римлянин мог обратиться за сведениями о грядущем. Надежность данного способа обретения знаний о будущем подкреплялась верой в то, что именно богам принадлежит власть над человеческой жизнью [38]. Каналы «общения» с богами были уже достаточно широко известны. Среди них важное место занимали «знамения», например, полет орла в небе [39], гадания по внутренностям жертвенных животных [40], аус-

пиции и т. д. Причем разного рода гадания считались самым надежным способом заглянуть в будущее: «Большинство смертных считает, – пишет Тацит о своих современниках, – что будущее предопределено с их рождения, и если что происходит не так, как предсказано, то в этом повинно невежество предсказателей: оно подрывает веру в науку, непроверяемые свидетельства истинности которой доставили нам и древность, и наше время» [41].

Еще один немаловажный канал «общения» богов со смертными римлянами – видения. Оракул храма Сераписа ответил Веспасиану именно этим способом. Он «увидел» человека по имени Базилид в храме, когда тот был в восьмидесяти милях от Александрии. «Тогда прояснился смысл божественного видения, Веспасиан понял, что само имя Базилида [42] есть ответ оракула». Оракул, впрочем, мог ответить и в стихах, как это делал прорицатель Аполлона Кларосского, к которому обратился Германик [43]. Причем, по словам Тацита, жрец, не зная «ни грамоты, ни искусства стихосложения, излагает складными стихами ответы на те вопросы, которые каждый мысленно задал богу» [44].

– **«Вещие» сны.** Сон – это состояние измененного сознания, когда может произойти нарушение последовательности восприятия времени, поэтому будущее может сместиться в настоящее. Один из персонажей Тацита – карфагенянин Цезеллий Басс, совершив оплошность в своих расчетах о нахождении сокровища, изумился, «почему лишь в этом случае сновидение его обмануло, хотя все предыдущие неизменно сбывались» [45]. «Вещий» сон, следовательно, можно назвать самым «наглядным», но не всегда надежным каналом обретения будущего.

– **Обращение к магам, гадалкам, предсказателям и другим «пограничным» субъектам,** для которых, по представлениям римлян, не существовало временных и прочих преград. Именно этим способом воспользовался Либон [46], о чем и написал в одном из своих писем [47].

Итак, чтобы «обрести» будущее, его необходимо было либо спланировать, либо предвидеть, прибегая к иррациональным способам. В первом случае будущее вытекает из рационально обретенного настоящего, а во втором – трансцендентно присутствует в нем. Богатый набор возможностей обретения будущего в форме его предсказания свидетельствует о том, что римляне воспринимали время не как абстрактную линейную однородную длительность, а чисто субъективист-

ски, из чего следовало допущение возможности нарушения порядка течения времени.

Таким образом, исследование проявлений времени по линии «прошлое – настоящее – будущее» дает шанс пролить свет на фундаментальные характеристики сознания человека ранней Римской империи. Нет оснований отрицать существование в нем идеализации прошлого, психологической ориентации преимущественно на древность, но эти явления были обусловлены лишь специфическими рудиментами мифологического мышления. Описания Тацитом поведения некоторых персонажей позволяют говорить о возможном понимании настоящего как динамического центра времени, и, как следствие, – об амбивалетном отношении к настоящему. В будущее же большинство римлян всматривались с пугающим неизвестностью трепетом, хотя в сознании некоторых политических деятелей уже существовала психологическая ориентация именно на него.

Примечания

1. Вейнберг, И. П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. [Текст] / И. П. Вейнберг. – М., 1993. – С. 101.
2. Кнабе, Г. С. Конец античного Рима и диалектика истории [Текст] / Г. С. Кнабе // Тацит Публий Корнелий. *Анналы. История.* – М., 2005. – С. 5.
3. Кнабе, Г. С. Корнелий Тацит. *Время, жизнь, книги* [Текст] / Г. С. Кнабе. – М., 1981. – С. 108.
4. Кнабе, Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима [Текст] / Г. С. Кнабе // *Культура Древнего Рима* : в 2 т. – Т. II. – М., 1985. – С. 108–166.
5. Чернышев, Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Часть II: Ранний принципат [Текст] / Ю. Г. Чернышев. – Новосибирск, 1992. – С. 53.
6. Тацит. *История*, IV, 8 // Публий Корнелий Тацит. *Анналы. История* / пер. Г. С. Кнабе ; редактор перевода М. Е. Грабарь-Пассек. – М., 2005.
7. Там же.
8. Секстилия – мать императора Вителлия (в 69 г.) и его брата Луция Вителлия.
9. Веспасиан – римский император (69–79 гг. н. э.).
10. Тацит. *История*, II, 64.
11. Там же. II, 5.
12. Там же. I, 3.
13. Древнеримские представления о «золотом веке», в том числе – и в эпоху раннего принципата, детально исследовал Ю. Г. Чернышев. Он указывает на характерную черту римского сознания, заключающуюся в том, что «идеальное состояние общества пе-

реносится, как правило, не в абстрактное, а именно в римское прошлое». Тацит, по мнению исследователя (которое мы разделяем), говорит об обществе, расколотом на людей «старого» и «нового» порядка, иллюстрацией чего являлся сенат, состоявший из «добропорядочного большинства» и «всевластного меньшинства» (С. 53). Через недовольство настоящим и идеализацию далекого прошлого проявлялись оппозиционные настроения, характерные, в том числе, и для самого Тацита.

14. Тацит. Диалог об ораторах, 12 // Корнелий Тацит: Сочинения в двух томах. – Т. 2: История / Перевод А. С. Бобовича ; редактор перевода М. Е. Сергеевко. – СПб. , 1993.

15. Тацит в «Истории» (III, 78) упоминает, что их праздновало войско Веспасиана. Есть также мнение, что сатурналии праздновались в честь зимнего солнцестояния (Роббер, Ж.-Н. Рим [Текст] / Ж.-Н. Роббер. – М. , 2006. – С. 231).

16. Кнабе, Г. С. Корнелий Тацит. Время, жизнь, книги [Текст] / Г. С. Кнабе. – М. , 1981.

17. Отон (Сальвий Отон, Марк) – римский император с 15.01 по 16.04.69 г. н. э., свергнутый Вителлием, в молодости приближенный Нерона.

18. Нерон (Клавдий Нерон Тиберий) – римский император с 54 по 68 г. н. э.

19. Тацит. История, I, 89.

20. Эприй Марцелл, Тит – в 48 г. н. э. претор на один день, наместник Памфилии и Ликии при императоре Клавдии, в правление Нерона известный доносчик и обвинитель, вынужденный в 79 г. покончить жизнь самоубийством.

21. Тацит. История, IV, 8.

22. Тацит. Анналы, I, 2 // Публий Корнелий Тацит. Анналы. История / перев. с латинского А. С. Боровича ; редакторы перевода Я. М. Боровский и М. Е. Сергеевко. – М. , 2005.

23. Силий, Гай – сенатор, назначенный консулом-суффектом на последние месяцы 48 г., возлюбленный Мессалины.

24. Валерия Мессалина – третья жена императора Клавдия.

25. Тацит. Анналы, XI, 12.

26. Тацит. История, II, 95.

27. Там же. III, 55.

28. Тацит. Диалог об ораторах, 41.

29. Гай Светоний Паулин – римский полководец, наместник Британии в 59–61 гг., консул 66 г.

30. Тацит. История, II, 25.

31. Там же. II, 74.

32. Тацит. Анналы, XII, 23.

33. Тацит. История, I, 86.

34. Тацит. Анналы, I, 28.

35. Кремона – город в Италии на северном берегу р. Пад.

36. Тацит. История, III, 31.

37. Там же. III, 55.

38. «Боги – вершители судеб» (Тацит. Анналы, XV, 24).

39. Тацит. История, I, 62.

40. Там же. II, 3.

41. Тацит. Анналы, VI, 22.

42. Имя Басилид – от греч. «басилевс» (Ореханова, Е. П. Комментарии к «Истории» [Текст] / Е. П. Ореханова // Корнелий Тацит: сочинения в двух томах. – СПб. , 1993. – С. 667).

43. Германик, Юлий Цезарь – сын Друза Старшего, племянник императора Тиберия, полководец, в 13 г. назначенный командующим 8 рейнских легионов, совершил ряд неудачных походов в Германию, умер в 19 г.

44. Тацит. Анналы, II, 54.

45. Там же. XVI, 3.

46. Скрибоний Либон Друз, Марк – знатный молодой человек, обвиненный в подготовке государственного переворота в 16 г.

47. Тацит. Анналы, II, 30.